

Вопросы философии и психологии

Книга 128.

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 101
ББК 87

Вопросы философии и психологии: Книга 128. / – М.: Книга по Требованию, 2011. – 227 с.

ISBN 978-5-458-04776-0

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04776-0

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Міръ какъ органическое цѣлое.¹⁾

ГЛАВА VI.

Царство гармоніи или царство Духа.

Міръ гармоніи есть совершенное твореніе Божіе, состоящее изъ множества существъ, изъ которыхъ каждое по-своему живетъ въ Богѣ и для Бога и, въ силу такого единства цѣли, всѣ они живутъ также другъ въ другѣ и другъ для друга. Это—подлинное Царство Божіе. Множественность въ этомъ царствѣ обусловлена только идеальными отличіями одного члена отъ другого, т.-е. индивидуализирующими противоположностями, безъ всякаго участія противоборствующихъ противоположностей, а, слѣдовательно, и безъ всякой вражды однихъ существъ къ другимъ. Здѣсь нѣтъ эгоистическаго обособленія и взаимоисключенія. Всякая часть этого царства существуетъ для цѣлаго и, наоборотъ, цѣлое существуетъ для всякой части. Мало того, *вслѣдствіе полнаго взаимопроникновенія* всего всѣмъ здѣсь исчезаетъ различіе между частью и цѣлымъ: *всякая часть здѣсь есть цѣлое*. Осуществленіе принциповъ органическаго строенія здѣсь доведено до предѣла. Это—вполнѣ совершенный организмъ.

Такое гармоническое бытіе кажется столь далекимъ отъ насъ, столь непохожимъ на обитаемое нами царство вражды, что, повидимому, созерцаніе его невозможно, и описаніе его, хотя бы и произведенное въ самыхъ общихъ

¹⁾ См. № 127 „Вопр. Фил.“.

Вопросы философіи, кн. 128.

чертахъ, можетъ произвести впечатлѣніе пустого набора словъ. Между тѣмъ, на дѣлѣ, царство гармоніи ближе къ намъ, чѣмъ мы думаемъ; только подъ влияніемъ ложныхъ теорій и односторонняго направленія вниманія на другія области вселенной оно кажется чѣмъ-то совершенно чуждымъ. Попробуемъ приблизиться къ нему слѣдующимъ путемъ. Нашъ міръ вражды, какъ установлено выше, необходимо содержитъ въ себѣ, хотя бы отчасти, сторону гармоніи; сосредоточимся на ней и такимъ образомъ подготовимъ себя къ пониманію свойствъ гармоничнаго міра. Обратимся къ содержанію какой-либо науки, изучающей только гармоничныя стороны міра, такова, напр., логика, и представимъ себѣ, какъ мы владѣемъ ея составомъ послѣ упорныхъ, настойчивыхъ занятій ею. Когда студентъ, пришедшій на экзамень изъ логики, хочетъ провѣрить себя, знаетъ-ли онъ отчетливо содержаніе этой науки, обыкновенно онъ находитъ въ своемъ умѣ прежде всего какую-то пугающую его пустоту. Встревоженный какъ бы полнымъ отсутствіемъ знаній, онъ усиливается припомнить хоть что-нибудь и съ трудомъ добываетъ изъ нѣдръ своей памяти обрывки различныхъ ученій — о силлогизмѣ, о логическихъ законахъ мышленія и т. п. То же самое лицо послѣ многолѣтнихъ занятій логикой, сдѣлавшись специалистомъ по этой наукѣ, находитъ въ своемъ умѣ рѣзко иную картину. На вопросъ, что такое логика, передъ его умственнымъ взоромъ встаетъ *система* логики сразу, какъ единое цѣлое: ученіе о сужденіи, объ умозаключеніи, о роли логическихъ законовъ мышленія и т. п. гармонически сочетаются другъ съ другомъ, взаимно проникаютъ и дополняютъ другъ друга, образуя недѣлимый стройный организмъ.

Такое пребываніе въ мірѣ сверхвременнаго единства и гармоніи встрѣчается также въ эстетическомъ созерцаніи и особенно эстетическомъ творествѣ. Художественный замыселъ предстоить умственному взору поэта, какъ единое сверхвременное цѣлое, которое руководитъ возникающимъ затѣмъ во времени длиннымъ процессомъ актовъ,

создающихъ временное прекрасное цѣлое. Осуществленное художественное произведеніе тоже таитъ въ себѣ такую сверхвременную цѣлость и взоръ творца можетъ уловить ее. Такъ, Моцартъ сообщаетъ слѣдующее о процессѣ своего творчества: „мысль все разрастается и я все расширяю и уясняю ее, пьеса оказывается почти готовою въ моей головѣ, хотя бы она и была длинна, такъ что впоследствии я охватываю ее въ душѣ однимъ взглядомъ, какъ прекрасную картину или красиваго человѣка, и слышу ее въ воображеніи вовсе не послѣдовательно, какъ она должна была выразиться, а какъ бы сразу, въ цѣломъ. Вотъ это такъ пирушка! Все изобрѣтеніе и обработка происходитъ во мнѣ, какъ въ прекрасномъ глубокомъ снѣ, но такой обзоръ всего сразу лучше всего“. Каждый изъ насъ, хотя бы въ слабой степени, способенъ переживать такіе моменты художественнаго созерцація. Они поражаютъ и безконечною полнотою созерцаемаго и способностью созерцающаго охватить сразу эту безконечность. Это моменты величайшаго напряженія жизни, приближенія къ идеальному осуществленію ея.

Разсматривая такія идеальныя цѣлыя, напр., систему науки, нетрудно найти въ нихъ и понять тѣ свойства, которыя Плотинъ приписываетъ умопостигаемому міру. „Здѣсь“ (въ чувственномъ мірѣ), говоритъ Плотинъ, „каждая часть происходитъ изъ другой части и остается только частью, тамъ-же (въ умопостигаемомъ мірѣ) всякая часть происходитъ изъ цѣлаго, причемъ цѣлое и часть совпадаютъ. Кажется частью, а для остраго глаза, какъ у миеологическаго Линкея, который, говоря, видѣлъ внутренность земли, открывается, какъ цѣлое“. ¹⁾

Представимъ себѣ теперь, что части идеальнаго цѣлаго суть не бѣдныя содержаніемъ отвлеченныя идеи, вродѣ закона противорѣчія, а безконечныя существа, и всѣ они находятъ другъ къ другу въ тѣхъ-же отношеніяхъ глубочай-

¹⁾ Плотинъ, Энн. V, 8, 4.

шаго взаимопроникновения, какія существуютъ въ идеальной системѣ науки объ идеальномъ. Тогда передъ нами предстанетъ изумительный міръ. Тамъ, говоритъ Плотинъ, „всякое существо объемлетъ въ себѣ весь міръ и созерцаетъ его цѣликомъ во всякомъ другомъ существѣ, такъ что повсюду находится все, и все есть все, и каждое есть все и безпредѣленъ блескъ этого міра“. ¹⁾

Единство умопостигаемаго міра есть не функціональная зависимость отвлеченныхъ идей, а *общеніе существъ*, живущихъ совершенною безконечною жизнью. Поэтому Плотинъ, слѣдуя традиціямъ античнаго міра, называетъ его *дружбою*; однако правильнѣе было бы назвать его *любовью*.²⁾

Жизнь въ такомъ мірѣ не утомляетъ и не пресыщаетъ потому, что въ ней нѣтъ никакой односторонности. Ненасытность свойственна этому міру, говоритъ Плотинъ, лишь въ томъ смыслѣ, что удовлетвореніе желанія не влечетъ за собою пренебреженія къ удовлетворившему его ³⁾ — столь чиста и безконечна всякая сторона этой жизни. Такой міръ есть сама живая мудрость, *Софія*.⁴⁾ Понять органическую цѣльность этого существа намъ трудно потому, что мы привыкли ошибочно думать, будто наука есть „собраніе положеній, между тѣмъ какъ это невѣрно даже и въ отношеніи къ земной наукѣ“. ⁵⁾ Рѣчь здѣсь идетъ о такой Мудрости, „которая не складывается изъ теоремъ, но есть единое цѣлое; она не получается путемъ сочетанія многого въ одно, а наоборотъ, предлежитъ, какъ единое, для анализа на многое“. ⁶⁾

Труднѣе всего понять сверхвременность жизни этого міра. Намъ кажется, что отсутствіе теченія во времени есть не жизнь, а мертвый покой. Чтобы освободиться отъ этой иллюзіи, нужно научиться различать два типа отри-

¹⁾ Плотинъ, Энн. V, 8, 4.

²⁾ Тамъ-же VI, 7, 14.

³⁾ Тамъ-же V, 8, 4.

⁴⁾ Тамъ-же V, 8, 4.

⁵⁾ Тамъ-же.

⁶⁾ Тамъ-же V, 8, 5.

цаній конечныхъ положительныхъ опредѣленій: отрицаніе, ведущее въ область низшую, чѣмъ отрицаемое, и, наоборотъ, отрицаніе, ведущее въ болѣе высокую область. Объ этомъ была уже рѣчь въ главѣ о Богѣ. Абсолютное не есть волящее существо; это не значитъ, что оно безвольное, наоборотъ, оно стоитъ выше той ограниченной активности, которая связана съ желаніемъ, постановкою цѣли и достиженіемъ ея. Абсолютное не есть личное существо не въ смыслѣ безличности, а въ смыслѣ сверхличности и т. п.

Еще понятнѣе будетъ, о чемъ идетъ рѣчь, если привести примѣръ, не выводящій за предѣлы обитаемаго нами міра. Отрицаая двухмѣрную протяженность, я могу спуститься или ниже ея въ область линейной протяженности, или выше ея въ область трехмѣрной объемности; двухмѣрная протяженность есть нѣчто подчиненное объемности; къ ней можно перейти отъ объемности только путемъ обѣднѣнія пространства, путемъ уменьшенія его содержанія.

Вернемся теперь къ сверхвременному. Если представить себѣ остановку временного *процесса*, т. е. фиксировать содержаніе какого-либо момента времени и продлить его, то получится мертвый покой,—состояніе, къ которому приближается душевная жизнь человѣка въ случаѣ усталости или подавленности. Сверхвременное бытіе обладаетъ противоположными свойствами. Представимъ себѣ ускоренность, отчасти усложненность временного процесса въ такой мѣрѣ, что, напр., переживанія, наполняющія нормально десять лѣтъ, осуществились бы въ теченіе одной секунды; такая сложность не была бы только измѣненіемъ отношеній между событіями, она сопутствовала бы глубокимъ преобразованіемъ самаго содержанія душевной жизни; въ самомъ дѣлѣ, если обратить вниманіе на ту сторону времени, которую подчеркнул Бергсонъ, именно цѣлостность его, взаимопроникновеніе прошлаго, настоящаго и будущаго, то станетъ ясно, что жизнь такого существа болѣе цѣльна: въ ней все десятилѣтнее содержаніе такъ взаимопроник-

нито и сразу есть, какъ у насъ взаимопроникнуто и сразу есть все то, что мы переживаемъ въ теченіе секунды. Увеличивая сложность и связность, можно, наконецъ, дойти до мысли *о бытіи новаго типа*, столь-же отличномъ отъ временнаго бытія, какъ плоскость отличается отъ линіи. Такое бытіе не можетъ быть получено путемъ накладыванія временныхъ рядовъ другъ на друга, какъ и плоскость не можетъ быть получена путемъ прикладыванія прямыхъ линій: оно безконечно богаче временнаго бытія, какъ и плоскость безконечно сложнѣе, чѣмъ прямая линія. Характеръ этого бытія нельзя опредѣлить *ни какъ временной покой, ни какъ временная дѣятельность*, потому что въ немъ нѣтъ *отрицательныхъ* чертъ того и другого: здѣсь нѣтъ задержки жизни, свойственной временному покою, но нѣтъ также и *перехода* отъ одного состоянія къ другому въ смыслѣ *утраты* одного и *еще неизмѣня* другого. Съ другой стороны, это бытіе сразу совмѣщаетъ въ себѣ цѣнные положительныя стороны и покоя и дѣятельности: въ немъ есть спокойствіе (блаженное довольство) покоя и вмѣстѣ съ тѣмъ полнота бытія дѣятельности: это дѣятельность безъ потерь и безъ нащупываній, безъ лишеній и незаполненности.

Такую высшую форму жизни Плотинъ обозначилъ словомъ *Νοῦς*. Слѣдуя великому греческому философу, мы будемъ называть ее словомъ *Духъ*.¹⁾

Согласно ученію Плотина, жизнь Духа сполна сверхвременна, она не содержитъ въ себѣ *никакихъ измѣненій* и, слѣдовательно, ничего хотя бы отдаленно похожаго на временной процессъ. И въ самомъ дѣлѣ, тотъ типъ временнаго процесса, который наиболѣе знакомъ намъ по наблюденію надъ нашею собственною *душевною* (психическою) жизнью или *матеріальною* природою, невозможенъ въ царствѣ Духа.

¹⁾ Греческое слово *Νοῦς*, въ томъ смыслѣ, который оно имѣетъ у Плотина, слѣдуетъ переводить терминомъ Духъ, а не Разумъ для того, чтобы подчеркнуть, что рѣчь идетъ не объ отвлеченно-идеальномъ бытіи, напр., не о сочетаніи *логическихъ принциповъ*, а о конкретно-идеальномъ, живомъ существѣ высшаго типа.

Въ самомъ дѣлѣ, нашъ временной процессъ есть рядъ измѣненій, совершающихся въ двухъ направленіяхъ: одни звенья ряда прибываютъ, а другія отмѣняются, утрачиваются, умираютъ и, если и сохраняютъ свое значеніе, то лишь отрывочно, въ тѣ моменты, когда становятся предметами воспоминанія. Такой характеръ измѣненія указываетъ на существованіе противоборствующихъ противоположностей, распадѣвъ, взаимныхъ вытѣсненій, слѣдовательно, онъ возможенъ лишь въ царствѣ вражды, но не въ царствѣ Духа. Никто однако еще не доказалъ, будто всякое измѣненіе и, слѣдовательно, всякій временной процессъ долженъ протекать по этому типу. Философы нерѣдко говорятъ о возможности иного, болѣе совершеннаго времени. Въ русской философской литературѣ такой высшій типъ времени прекрасно обрисованъ въ книгѣ С. А. Алексѣева „Мысль и дѣйствительность“. Алексѣевъ поясняетъ свое ученіе съ помощью слѣдующаго примѣра, который, конечно, подводитъ къ искомому предмету, но не даетъ вполне адекватнаго выраженія его: „На нашемъ столѣ стоитъ букетъ свѣжесорванныхъ цвѣтовъ. Что цвѣты непрестанно измѣняются, это мы прекрасно знаемъ теоретически и замѣчаемъ путемъ непосредственнаго наблюденія. Если вчера они были не вполне распустившіеся, то сегодня они развернуты гораздо полнѣе. Разсматривая теоретически, мы должны бы сказать: вчерашняго букета уже нѣтъ, онъ канулъ вмѣстѣ со вчерашнимъ днемъ въ безвозвратное прошедшее. Однако, жизненно дѣло происходитъ иначе. Мы вовсе не вспоминаемъ о вчерашнемъ букетѣ, не вспоминаемъ потому, что букетъ для насъ не былъ, а сейчасъ есть. Теоретически представляемый букетъ вчерашняго дня исчезъ, но живой букетъ нашего опыта стоитъ, и то, что онъ сталъ еще лучше, не даетъ намъ никакого повода создавать его прошедшее и считать его за что-то какъ-то нами утерянное въ прошломъ. Но оставимъ нашъ букетъ простоять еще нѣсколько дней, и въ какое-нибудь утро намъ придется его только вспомнить, сказавши, что букетъ былъ

на рѣдкость хорошъ. Разсматривая теоретически, это какъ-будто совершенно непослѣдовательно. Цвѣты мѣнялись непрестанно. И однако это ихъ измѣненіе не превращало букета въ прошедшее до того момента, какъ онъ сталъ увядать. И лишь увядшіе цвѣты, оставаясь по существу цвѣтами, создали для насъ прошедшее этихъ цвѣтовъ. Изъ этого слѣдуетъ, что одно лишь измѣненіе не создаетъ еще прошедшаго, но лишь измѣненіе опредѣленнаго рода. На нашемъ примѣрѣ мы легко можемъ увидѣть, какія именно измѣненія приводятъ временное теченіе къ образованію прошедшаго. Измѣненіе можетъ состоять, во 1-хъ, въ ростѣ или развитіи той или иной реальности и, во-2-хъ, въ убыли и ея уничтоженіи. Мы можемъ это схематически представить въ видѣ нарастанія или убыванія буквеннаго ряда. Сочетаніе первыхъ трехъ буквъ алфавита, а, б, в, можетъ измѣняться тремя способами: 1) оно можетъ обогащаться слѣдующими буквами алфавита г, д, е, и т. д., не теряя при этомъ ни одной буквы изъ своей наличности; 2) оно можетъ терять послѣдовательно одну букву за другой, не обогащаясь при этомъ новыми и, наконецъ, 3) возможный случай, когда сочетаніе трехъ буквъ алфавита какъ бы движется по алфавиту по направленію отъ его начала къ концу, т. е. когда оно, теряя предыдущіе члены, обогащается новыми послѣдующими.“¹⁾

Наша душевная жизнь протекаетъ почти вполнѣ по *третьей* схемѣ. Возможно однако существо, дѣятельность котораго осуществляется по *первой* схемѣ: тогда для него временной процессъ будетъ состоять изъ настоящаго и будущаго, но въ немъ не будетъ ничего прошедшаго. „Если прибавка d“, говоритъ С. А. Алексѣевъ, „не нарушаетъ ни въ какомъ отношеніи единства прежнихъ состояній а, б, с, если это дѣйствительно тольکو прибавка, не несущая никакой реальной убыли, то что-же заставитъ насъ воспринимать находящееся на-лицо а, б, с, какъ исчезнувшее въ прошедшее. Для математика, конечно, а, б, с, d есть

¹⁾ С. А. Алексѣевъ, „Мысль и дѣйствительность“, стр. 307.

нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ а, b, с, и разъ а, b, с смѣнилось а, b, с, d, то это значить, что оно исчезло. Но жизнь не математика, она оцѣниваетъ явленія не только съ точки зрѣнія количества, но и съ точки зрѣнія качества и, болѣе того, съ точки зрѣнія того единства, которое всегда выражается въ тѣхъ или иныхъ качествахъ. И если при переменѣ тѣхъ или иныхъ качествъ и количествъ выражаемое ими единство не только не гибнетъ, но выражается еще полнѣе, чѣмъ прежде, то о чемъ-либо прошедшемъ нѣтъ и никакого сознанія¹⁾.

Такія измѣненія можно назвать *положительными*, чтобы подчеркнуть, что въ нихъ есть только пріобрѣтенія, связанные съ отрицаніемъ отрицанія (отрицаніемъ неполноты), но не утраты какихъ-либо содержаній. Также и время этого типа можно назвать *положительнымъ временемъ*. Царство Духа не только можетъ, но и должно содержать въ себѣ такія положительныя измѣненія, связанные съ высшею формою временного процесса. Въ самомъ дѣлѣ, какъ сверхвременная сущность, Духъ еще не содержитъ въ себѣ всей полноты бытія, иначе онъ былъ бы Абсолютнымъ. Слѣдовательно, передъ царствомъ Духа стоитъ задача обрѣтать все большую и большую полноту бытія, и эта задача разрѣшима лишь въ смыслѣ безконечнаго приближенія къ предѣлу въ безконечномъ временномъ процессѣ измѣненія. Однако существенныя свойства царства Духа принадлежать и этому процессу и придаютъ ему своеобразный характеръ, рѣзко отличный отъ временного процесса, присущаго царству вражды. Прежде всего дѣятельности Духа присуща та высшая степень органичности, которая вообще характерна для царства Духа. Она состоитъ въ томъ, что 1) каждая часть царства духа существуетъ для цѣлаго, 2) цѣлое существуетъ для каждой части и 3) каждая часть есть цѣлое. Слѣдовательно, во временномъ процессѣ нѣтъ дѣятельностей Духа, которыя были бы *только средствомъ*, всякій моментъ жизни Духа обладаетъ

¹⁾ Тамъ-же стр. 308 с.

абсолютною цѣнностью также и самъ по себѣ, каждый изъ нихъ можетъ быть встрѣченъ словами „Остановись, ты такъ прекрасенъ!“; и въ самомъ дѣлѣ, каждый изъ нихъ въ силу своей абсолютной цѣнности *навсегда сохраняетъ свою свѣжесть и силу*, но это не значитъ, что жизнь Духа задерживается, останавливается на немъ, она течетъ лишь болѣе широкою струею, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ, въ царствѣ Духа есть измѣненіе, но нѣтъ отмѣны, нѣтъ умиранія, есть предшествующее и послѣдующее, но нѣтъ отпаденія въ область прошлаго, ведущаго бытіе блѣдныхъ безплотныхъ тѣней.

Остается еще поставить вопросъ, могутъ ли продукты дѣятельности Духа быть протяженными. Безъ сомнѣнія, члены царства Духа способны не только творить жизнь въ себѣ, но и создавать нѣчто внѣ себя. Конечно, внѣшніе продукты дѣятельности ихъ не могутъ быть сверхвременными сущностями (каково творчество Абсолютнаго); они могутъ быть только множествомъ ограниченныхъ сосуществующихъ *процессовъ*, совокупность которыхъ не остается разрозненною, но образуетъ систему, заключенную въ единой формѣ пространства.

На первый взглядъ, правда, это кажется несомнѣстимымъ съ природою Духа, потому что знакомый намъ протяженный міръ состоитъ изъ множества элементовъ, взаимно отталкивающихся, взаимно-непроницаемыхъ, т.-е. находящихся въ отношеніи противоборства и распада, недопустимаго въ царствѣ Духа. Однако въ дѣйствительности всѣ эти свойства принадлежать вовсе не самому пространству вообще, а тому типу пространства, который осуществляется въ царствѣ вражды, и особенно тому содержанію, которымъ это пространство наполнено. Въ самомъ дѣлѣ, пространство царства вражды наполнено матеріею, существенное свойство которой есть взаимная непроницаемость ея частей. Это—характерный продуктъ отношеній противоборствующей противоположности, способный осуществляться вслѣдствіе своей обѣдненной содержательности толь-